

ПЛОХОЕ СЛОВО

Мы поссорились с братом и отчаянно ругались, припоминая, друг другу всякие обиды. Неожиданно в комнату вошла мать, а я в этот момент как раз обвинил брата в том, что он ругался матом!

– Кто ругался, Гена? – ужаснулась мать.

И Гена немедленно получил увесистый подзатыльник.

– Врет он все! – обиделся брат. – Когда я ругался?

– Вчера на улице.

– Враньё! Ну, скажи, что я говорил?

– Не могу, это очень страшное ругательство.

– Ага, не можешь, не можешь! – возликовал брательник.

– Я такое плохое слово даже произнести не могу, – запальчиво ответил я.

– Ничего я не говорил! – обиделся и рассердился брат. – Врун! – бросил он мне в лицо.

– А ты... ты... – но я так и не нашел, что ответить.

Мать, заинтригованная ситуацией, решила узнать правду и строго потребовала:

– Ну-ка, сейчас же повтори, что Гена такое сказал!

– Да... я скажу, а ты меня станешь бить!

– Нет, не буду, – пообещала мать.

– Да, брательника ударила, хотя и не слышала, что он сказал, а когда услышишь, то станешь меня бить. Знаешь, какое это плохое слово?

– Нет, не знаю, – мать была окончательно заинтригована.

– И не скажу!

– Нет, ты скажи! – завелась мать. – Раз Гене попало, ты скажи, а то и тебе попадет!

– За то, что не хочу говорить плохое слово? Да? Большое спасибо!

– А может это совсем и не ругательное слово, – не сдавалась мать, – а я Гену зря наказала.

Я посмотрел на брата, и мой взгляд говорил: «Так тебе и надо!»

– Нет, ты повтори, какое слово я сказал, – возмутился брательник, – а то я сам тебе за вранье шею намылю!

– Да, такой я дурак, повторять нехорошие слова. Возьми сам и повтори, что боишься?

– А я не знаю что повторить, – не смутился брат, – сначала ты скажи.

– Пока я ничего не сказал, мне не попадет, а скажу, то сразу накажут.

– Я тебе ничего не сделаю, – снова пообещала мать.

– Сделаешь, когда услышишь.

– Ты что, мне не веришь? – рассердилась мать.

– Верю. Но повторить такое плохое слово не могу.

– Врет он все! – опять встрял брательник, – ничего я не говорил, и повторить он ничего не может.

– Нет, говорил! – обиделся я за справедливость. – И никакой я не врун!

– Врун! – с нажимом повторил брательник, уничтожая меня взглядом. – Самый настоящий врун!

– Нет, не врун!

– Врун!

– Нет, не...

– Прекратите! – оборвала нас мать. – На какую букву начинается это слово? – вдруг догадалась она.

– На букву «а», – громко ответил я, – но больше я ничего не скажу.

Мать с брательником быстро перебрали в уме все известные им ругательства, но слова, начинающегося на «а», среди них не было.

– Нет такого ругательства! – облегченно выдохнул брательник.

– Действительно, нет! – согласилась мать.

– Откуда вы знаете? – удивился я. – Вы что все плохие слова знаете, да?

– Нет такого слова! – упрямо повторил брат.

– Нет, есть! – и ты его говорил.

– Нет!

– Прекратите! – остановила мать наше препирательство. – Гена, повтори, какое слово ты сказал, и я ничего тебе не сделаю.

– Ничего я не говорил! – возмущенно закричал брат.

Ситуация зашла в тупик. Матери хотелось выяснить истину и узнать, правильно она наказала сына или нет, но как это сделать, было совершенно непонятно.

В комнату вошла наша соседка тетя Маруся, вдова, которую мы с братом уважали и очень любили. Она приняла живое участие в наших делах, и когда мать ей все рассказала, она тоже попыталась вспомнить нехорошее слово, начинающееся на букву «а».

Потерпев неудачу, она обняла меня и попросила:

– Ну, Толик, повтори мне на ушко, какое слово Гена сказал?

– Да, а мама услышит и будет меня бить!

– Мы в коридор выйдем, – предложила соседка.

– И в коридоре услышит!

– Тогда ко мне в комнату пойдём!

– Не хочу повторять такое плохое слово!

– Ну, какое слово? – взмолилась соседка.

– На букву «а»!

Мать и тетя Маруся решили, что может они действительно слышали еще не все плохие слова, и отправились на консультацию к другим соседками. Но никто не знал плохого слова, начинающегося с буквы «а». Целый день всей квартирой вспоминали нехорошие слова и шепотом говорили их друг другу. Потом стали коверкать нехорошие слова, так чтобы они начинались с «а», и бегали ко мне на проверку. Шептали мне в ухо совершенно идиотское слово, которое при этом получалось, и с надеждой спрашивали:

«Ну, это слово?»

– Нет! – всякий раз отвечал я!

Мне даже в голову не приходило, что окружающие люди, оказывается, знают так много плохих слов.

Обязательно вспомнить, какое плохое слово начинается с буквы «а», стало навязчивой идеей в квартире. Но все усилия были напрасны.

Тут кому-то пришло в голову, что раз это ругательство очень страшное, то его наверняка слышал Зюзя – воррецидивист, отсидевший в лагерях и тюрьмах половину своей жизни и проживавший в нашем доме на третьем этаже. Отправили к нему делегацию. Зюзя сунул руку под

грязную майку и задумчиво почесал синюю татуированную грудь. Как настоящий профессионал, без сомнения знавший все плохие слова в полном объеме, он не стал делиться задаром опытом, нажитым в тяжелых условиях заполярной тундры.

– Чекушку! – потребовал он, едва ворочая языком с похмелья. – И я назову вам это слово. – И зловеще добавил: – Если вы, конечно, не боитесь?

Как ни заманчиво было всем узнать такое страшное плохое слово, начинающееся с буквы «а», но скинуться на водку для Зюзи никто не пожелал. Тут все посмотрели на Смирниху, которая недавно гнала у себя в комнате самогон из какой-то мерзости, так что воняло по всей квартире.

За самогонование в те времена можно было схлопотать большую неприятность, но в нашей квартире никто, ни на кого, никогда не стучал, так как все по очереди пользовались одним самогонным аппаратом.

– Смирниха! Налей больному Зюзе чекушку, не жмись, – попросила тетя Маруся за всех.

Естественно, что Смирнихе было до смерти жалко своей кровной самогонки, но дело было вроде как общественное. Народ хотел знать, какое такое страшное ругательство начинается с буквы «а», за которое даже Зюзя, бескорыстно делившийся со всеми богатым словарным запасом, вдруг потребовал чекушку.

Смирниха вытерла руки и молча ушла в комнату. Через минуту она вынесла небольшой пузырек с мутноватой жидкостью.

– Хай подавится! – Смирниха нехотя рассталась с самогонкой. – Идите, узнайте, что это за слово!

На глазах представительной делегации Зюзя молча вылил содержимое бутылочки прямо в рот и удовлетворенно крикнул. Глаза его быстро затуманились, он качнулся, окинул взглядом стоящих в комнате людей, пытаясь сообразить, что им здесь нужно. Затем понимающе ухмыльнулся и вдруг заорал во всю глотку:

– О, голубка моя! Как тебя я люблю... ю... ю... у... у... – и громко зарыдал, растрогавшись от собственного задушевного пения.

Оставив рыдающего Зюю, экспедиция за плохим словом ни с чем возвратилась на кухню.

– Ах, он паразит! – разъярилась Смирниха, узнав, что Зюзя самогонку выпил, но плохое слово на «а» так и не сказал, – фиг он теперь получит у меня чекушку!

Решили еще раз надавить на брательника. Долго приставали к нему с просьбами повторить это загадочное ругательство. Все дружно обещали, что ему ничего не сделают, а может, и дадут что-нибудь в награду. Каждой соседке казалось, что ей-то Гена на ушко скажет правду. Все хотели правды и только правды!

Брательник клялся, что ничего такого не говорил и все это мои выдумки.

Тут все снова навалились на меня. Посулы дать мне что-нибудь вкусное чередовалось с угрозами выпороть так, что я неделю не смогу сесть! Я держался как гвардеец, но тут нащупали мое слабое место.

– Врун! – хором закричали несколько человек.

Гордость моя была задета, и я заплакал от обиды. Взрослые сообразили, что перегнули и вернулись к уговорам.

Наконец, я сдался и в коридоре, утирая слезы, прошептал на ухо тете Марусе: – Абармот!

– Не абармот, а обормот! – радостно закричал брательник, не зря числившийся в круглых отличниках. – Оно означает болван. Это же самое обычное слово. Оно и в словаре есть!

Все с облегчением вздохнули, а меня даже не наказали.